

ТАИНСТВЕННЫЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ

САЛЛИ ЛОКХАРТ

МИР

ВОСХИТИТЕЛЕН,
КАК ИГРА СОЛНЕЧНЫХ
ЛУЧЕЙ НА ВОДЕ

ТЕНЬ
«ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДЫ»

РУБИН
ВО МГЛЕ

ПРОХЛАДНЫМ, ВЕТРЕНЫМ ДНЕМ В НАЧАЛЕ
ОКТАБРЯ 1872 ГОДА
К КОНТОРЕ СУДОХОДНОЙ
КОМПАНИИ «ЛОКХАРТ
И ШЕЛБИ», В САМОМ
СЕРДЦЕ ДЕЛОВОГО ЛОНДОНА,
ПОДКАТИЛ КЭЗЬ

ДОБРЫХ ДЕСЯТЬ МИНУТ СЫПАЛА
ОТБОРНЫМИ РУГАТЕЛЬСТВАМИ
И НИ РАЗУ НЕ ПОВТОРИЛАСЬ

ФИЛИП
ПУЛМАН

Золотой компас (АСТ)

Филип Пулман

**Таинственные расследования
Салли Локхарт. Рубин во
мгле. Тень «Полярной звезды»**

«Издательство АСТ»

1985, 1988

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

Пулман Ф.

Таинственные расследования Салли Локхарт. Рубин во мгле. Тень «Полярной звезды» / Ф. Пулман — «Издательство АСТ», 1985, 1988 — (Золотой компас (АСТ))

ISBN 978-5-17-138910-9

Салли Локхарт шестнадцать лет и она необыкновенно хороша собой. Ее знания литературы, языков и музыки оставляют желать лучшего, зато она умеет вести бизнес, скакать на лошади и без промаха стреляет из пистолета. Когда при загадочных обстоятельствах погибает ее отец, Салли остается одна. Она в опасности, хоть и не подозревает об этом. И теперь ее жизнь зависит от разгадки мрачной тайны. Раскрыв тайну рубина Махараджи, Салли изменила свою судьбу и обрела новых друзей. Однако несколько лет спустя отважной девушке и ее друзьям снова придется стать детективами. Случайные события, произошедшие с каждым из них, оказываются звеньями одной цепи. И за всем этим стоит всемогущий владелец компании «Полярная звезда» и создатель смертоносного оружия. С каждым шагом Салли, Джима и Фреда все сильнее затягивает в зловещую тень «Полярной звезды».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-138910-9

© Пулман Ф., 1985, 1988

© Издательство АСТ, 1985, 1988

Содержание

Рубин во мгле	6
Глава первая. Семь блаженств	6
Глава вторая. Паутина	14
Глава третья. Джентльмен из Кента	19
Глава четвертая. Мятеж	25
Глава пятая. Курительная церемония	28
Глава шестая. Письма	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Филип Пулман
Таинственные расследования
Салли Локхарт. Рубин во
мгле. Тень «Полярной звезды»

Philip Pullman

A SALLY LOCKHART MYSTERY

The Ruby in the Smoke

The Shadow in the North

The Ruby in the Smoke. Copyright © 1985 by Philip Pullman

The Shadow in the North. Copyright © Philip Pullman, 1986/88

© Г. Кружков, перевод на русский язык

© А. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Рубин во мгле

Глава первая. Семь блаженств

Прохладным, ветреным днем в начале октября 1872 года к конторе судоходной компании «Локхарт и Шелби», в самом сердце делового Лондона, подкатил кэб. Из него вышла юная девушка – одна, без провожатого – и, расплатившись с извозчиком, огляделась вокруг.

Она была удивительно хороша: лет шестнадцати на вид, худоцавая и бледная, в траурном платье и в черной шляпке, под которую она тотчас убрала растрепанный ветром завиток светлых волос. Ее глаза казались необыкновенно темными для блондинки. Девушку звали Салли Локхарт, и через пятнадцать минут ей предстояло убить человека.

Удостоверясь, что перед ней нужный дом, она поднялась по ступеням и вошла. За дверью начинался тусклый, желто-коричневый коридор, с конторкой портье по правую руку, где пожилой человек сидел под лампой и читал «Негодяйку Пенни». Когда девушка легонько постучала в стекло, он вздрогнул и поспешно отложил журнал.

- Простите, мисс. Не заметил, как вы вошли.
- Мне нужно видеть мистера Шелби. Но он меня не ждет.
- Ваше имя, мисс?
- Меня зовут Локхарт. Мой отец был... мистер Локхарт.

Портье мгновенно просиял.

- Мисс Салли, не так ли? Как же – я вас помню!
- Неужели? По-моему, я здесь никогда раньше не бывала...

– Да нет, бывали! Лет десять тому назад, никак не меньше. Вы сидели около вот этой самой лампы, ели имбирный бисквит и рассказывали мне о вашем пони. Вспомнили? Вы уж меня простите... Очень прискорбно было услышать о вашем отце, мисс. Ужасно, когда тонут корабли. Он был истинным джентльменом.

– Спасибо вам... Я и пришла отчасти из-за отца. Мистер Шелби у себя? Можно с ним поговорить?

– Боюсь, что нет, мисс. Он сейчас на Вест-Индской верфи. Но мистер Хиггс, секретарь нашей компании, у себя. Он будет рад встретиться с вами.

– Хорошо. В таком случае я сейчас поднимусь к нему.

Портье позвонил в колокольчик, и появился мальчишка, в котором, казалось, сгустились вся копоть и сажа Чипсайда. Его куртка была порвана в трех местах, воротничок съехал на сторону, а волосы выглядели так, как будто их только что использовали для опытов с электричеством.

– Чего нужно? – спросило это явление, которое звали Джим.

– Повежливей! – сказал портье. – Проводи эту молодую леди к мистеру Хиггсу – и не глупи! Это мисс Локхарт.

Глаза мальчишки мгновенно окинули ее с ног до головы и тут же с подозрением обратились к портье.

– Вы присвоили мой журнал! Я видел, как вы его припрятали, когда вошел старина Хиггс.

– И не думал я, – неуверенно возразил портье. – Иди и делай что велено.

– Ничего, я его найду, погодите, – пообещал мальчик. – Нет у вас такого права – зариться на чужую собственность. Идемте, – добавил он, обращаясь к Салли, и вышел в коридор.

– Вы уж его извините, мисс Локхарт, – сказал портье. – Поздно поймали волчонка, теперь уже не приручишь.

– Ничего страшного, – ответила Салли. – Спасибо. На обратном пути я загляну попрощаться.

Мальчишка ждал ее у лестницы.

– Так, значит, ваш отец был здешним хозяином? – спросил он, когда они начали подниматься.

– Да, – ответила Салли. Она хотела что-то добавить, но не нашла подходящих слов.

– Он был добрый малый.

Слова были сочувственными, и Салли это поняла.

– Не знаете ли вы человека по имени Марчбэнкс? – спросила она. – Может быть, он работает где-нибудь здесь?

– Нет, никогда не слышал такого имени.

– А может быть, вы слышали... – Они уже были почти наверху лестницы, и Салли остановилась, чтобы закончить вопрос. – Может быть, вы слышали что-то о *семи блаженствах*?

– Чего-чего?

– Пожалуйста. Это важно.

– Не-а. Не слышал. – Он задумался. – Похоже на кабак или вроде того. А что это такое?

– Сама не знаю. Ничего, ерунда. Забудьте об этом! – И Салли шагнула на верхнюю площадку лестницы. – Так где же здесь найти мистера Хиггса?

– Тут.

Он с грохотом ударил в тяжелую деревянную дверь и, не дождавшись ответа, распахнул ее со словами:

– Леди к мистеру Хиггсу! По имени мисс Локхарт!

Салли вошла, и дверь закрылась за ней. Комната была полна сигарным дымом и необыкновенно богато убрана: полированная кожа, красное дерево, серебряные чернильницы, шкафы с бронзовыми ручками и хрустальные пресс-папье. Тучного вида человек в другом конце комнаты скатывал в рулон большую карту, и его лысина блестела от усилий. Впрочем, блестела не только лысина: блестели и его ботинки, блестела тяжелая золотая цепочка с масонской печатью над его брюшком, и все его лицо блестело от пота и лоснилось, свидетельствуя о долголетнем пристрастии к вину и вкусной еде.

Он покончил с картой и взглянул на вошедшую. Его лицо мгновенно приобрело торжественное и благочестивое выражение.

– Мисс Локхарт? Дочь покойного Локхарта?!

– Да.

– О моя дорогая! – воскликнул он, простирая к ней руки. – Что я могу сказать? Лишь то, как мне тяжело, как всем нам невыносимо тяжело было услышать о вашей утрате. Прекрасный человек. Великодушный работодатель. Истинный христианин. Рыцарь! Э-э... м-м-м... Великая утрата, печальная и трагичная утрата.

Она опустила голову.

– Вы очень добры. Но могу ли я попросить вас кое о чем?

– Моя дорогая!

Мистер Хиггс повеселел и принял самый радушный вид. Он подтолкнул к ней кресло и встал своей широкой спиной к камину, сияя ласковой дядюшкиной улыбкой.

– Я сделаю все, что в моих силах, обещаю вам!

– Ну, не то чтобы я прошу что-то сделать, все гораздо проще... Видите ли, мне бы хотелось у вас узнать... Мой отец когда-нибудь упоминал о некоем мистере Марчбэнксе? Вы знаете кого-нибудь с таким именем?

Мистер Хиггс глубоко задумался.

– Марчбэнкс... Марчбэнкс... Вы знаете, есть один корабельный поставщик в Роттерхите, его имя пишется Мар-джо-ри-бэнкс. Может быть, это он и есть? Хотя я не припомню, чтобы ваш бедный отец имел с ним какие-то отношения.

– Может быть. У вас есть его адрес?

– Где-то на Тасманской верфи, – сказал мистер Хиггс.

– Спасибо. И еще. Может быть, это глупо... Право, мне кажется, я вам чересчур докучаю...

– О, что вы, моя дорогая мисс Локхарт! Я полностью в вашем распоряжении. Просто скажите, как вам помочь.

– Ну хорошо. Вы когда-нибудь слышали такие слова: *семь блаженств*?

И тут случилось что-то страшное.

Как мы уже упоминали, мистер Хиггс был крупный, упитанный мужчина; так что, может быть, не столько слова Салли, сколько долгие годы злоупотребления портвейном, кубинскими сигарами и жирными ужинами заставили его внезапно схватиться за сердце и пошатнуться, лоя ртом воздух. Он сделал шаг вперед... его лицо потемнело, пальцы рванули жилет, и огромное тело рухнуло на турецкий ковер. Одна нога лягнула воздух и отвратительно дернулась пять раз. Открытый глаз был прижат к резной ножке стула, на котором сидела Салли.

Она не шелохнулась, не вскрикнула, даже не потеряла сознания. Лишь немного отвела подол своего платья от блестящего черепа и, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнула. Так ее научил отец, утверждавший, что таково лучшее средство против паники. Он был прав: это подействовало.

Когда Салли успокоилась, она осторожно встала и отступила от тела. Ее мысли были в совершенном беспорядке, но руки, как она отметила, ей повиновались. «Отлично, – подумала Салли. – Когда я испугана, по крайней мере я могу положиться на свои руки». Это открытие обрадовало ее до смешного; и в следующий момент в коридоре послышался громкий голос:

– Сэмюэл Шелби, судоходный агент. Понял?

– А не мистер Локхарт? – отвечал другой голос, как бы в некоем сомнении.

– Нет больше никакого мистера Локхарта. Мистер Локхарт лежит на глубине тысячи морских саженей в Южно-Китайском море, черт бы его побрал. Я хотел сказать: «Упокой, Господи, его душу». Замалевывай, слышишь? Замалевывай его! Только не зеленым – я не люблю зеленого. Желтым, да повеселей, с разными еще завитушками вокруг. Понял?

– Да, мистер Шелби, – был ответ.

Дверь открылась, и обладатель первого голоса явился во плоти. Это был невысокий пухлый человек с соломенной челкой и рыжими длинными бакенбардами, которые неприятно сливались по цвету с его щеками. Он огляделся вокруг и не заметил тела мистера Хиггса, скрытого от него широким столом красного дерева. Вместо этого его лютующие маленькие глазки уткнулись в Салли.

– Вы кто? – грозно спросил он. – Кто вас впустил?

– Портье, – ответила Салли.

– Как вас зовут? Что вам тут надо?

– Я – Салли Локхарт. Но...

– Локхарт?!

Он длинно присвистнул.

– Мистер Шелби, я...

– Погодите. Где Хиггс? Он займется вами. Хиггс! Где же вы?

– Мистер Шелби, он умер...

Шелби замолчал и посмотрел, куда она указывала. Затем обошел стол.

– Что это такое? Когда это произошло?

– Только что. Мы разговаривали, и вдруг он упал. Может быть, сердце... Мистер Шелби, можно мне присесть?

– Да, пожалуйста. Вот ведь чертова глупость! Это я не к вам. Надо же было набраться такого нахальства – умирать на чужом полу! А он действительно умер? Вы уверены?

– Не думаю, чтобы он мог до сих пор быть жив.

Мистер Шелби оттащил тело в сторону и заглянул в мертвые глаза, столь неблагоприятно глядевшие прямо на него. Салли молчала.

– Мертвее мертвого, – сказал мистер Шелби. – Надо позвонить в полицию, я полагаю. Черт возьми. Так что ж вам здесь надо-то? Все бумаги вашего отца упакованы и высланы адвокату. Тут для вас ничего не найдется.

Что-то подсказало Салли быть начеку. Она взяла носовой платок и промокнула сухие глаза.

– Я... я только хотела взглянуть на кабинет своего отца, – произнесла она.

Мистер Шелби подозрительно хрюкнул и пошел открыть дверь и крикнуть вниз портье, чтоб тот звонил в полицию. Клерк, проходящий мимо с охалкой грессбухов, заглянул внутрь, вытягивая шею.

– Я могу идти?

– Нежелательно. Вы ж свидетель. Вам придется дожидаться, чтобы записали ваше имя и адрес, а потом явиться на следствие. И все-таки зачем вам надо было увидеть кабинет?

Салли громко всхлипнула и еще безутешнее уткнулась в платок. Она сомневалась, не было бы разумней расплакаться. Ей хотелось остаться одной и все обдумать, к тому же она начинала бояться этой свирепой любознательности. Если упоминание о *семи блаженствах* могло и впрямь убить мистера Хиггса, она предпочла бы не рисковать здоровьем мистера Шелби.

Рыдания оказались хорошей идеей. Мистер Шелби не был достаточно тонок, чтобы заподозрить ее в наигранности, и слегка отстранился.

– Ой, идите и посидите в комнате портье, – сказал он раздраженно. – Когда полиции понадобится, она с вами поговорит, а сейчас вам не следует тут болтаться и распускать сопли. Идите вниз.

Она ушла. На лестничной площадке стояли два или три клерка, и они с любопытством проводили ее взглядами.

В комнатке у портье она увидела уже знакомого рассыльного, вынимавшего свою «Негодяйку Пенни» из-за задней стенки почтового ящика.

– Все в порядке, – сказал он. – Я вас не выдам. Я слышал, вы убили старого Хиггса, но я этого никому не скажу.

– Я не убивала! – воскликнула Салли.

– Ну конечно убила. Я ж слышал через дверь.

– Вы подслушивали! Но это же очень плохо!

– Да я не хотел. Я что-то сделался усталый, и прислонился к дверям, и кое-что случайно услышал, – ухмыльнулся Джим. – Он умер с испугу. Объятый смертным ужасом. Чем бы ни были эти *семь блаженств*, он их отлично знал. Вы бы поосторожней спрашивали про них.

Она опустила в кресло портье.

– Тогда я просто не знаю, что мне делать.

– Делать с чем?

Салли взглянула на этого светлоглазого и решительного мальчишку и решила ему довериться.

– Вот с этим. Оно пришло сегодня утром. – Она открыла сумочку и вытащила мятое письмо. – Отправлено из Сингапура. Это последнее место, где был мой отец, перед тем как корабль утонул. Но это не его почерк, и я не знаю чей.

Джим развернул бумагу и прочел:

*САЛИ БОЙСЯ СЕМИ БЛАЖЕНСТВ
МАРЧБЭНКС ПОМОЖЕТ
ЧАТТУМ
ОСТРОЖНЕЙ ДОРОГАЯ*

– Ну дела! – протянул он. – Только знаешь что? Он неправильно написал.

– Ты о моем имени?

– Как тебя зовут?

– Салли.

– Нет. Об этом. – И Джим ткнул в слово ЧАТТУМ.

– А как надо?

– Ч-А-Т-Е-М. Чатем в Кенте.

– А пожалуй.

– И этот Марчбэнкс живет там. Точно, хоть убей. Поэтому он и пишет. Да ладно, – сказал он, заметив быстрый взгляд Салли наверх, – не огорчайся из-за старика Хиггса. Если б ты ему не сказала, кто-то другой уж наверняка. В чем-то он да был виноват. Уж это точно. И старик Шелби тоже. Ты ничего ему не сказала?

Салли покачала головой.

– Только тебе. Но я до сих пор не знаю твоего имени.

– Джим Тейлор. И если захочешь меня найти, я живу в Клеркенвилле, тринадцать. Я тебе помогу.

– Правда?

– Ну да.

– Хорошо, но если... Но если и ты услышишь что-нибудь, напиши мистеру Темплу в «Линкольнз-инн», для Салли.

Дверь открылась, и вошел портье.

– Вы в порядке, мисс? Такое несчастье... Эй, ты, – обратился он к Джиму, – хватит бездельничать. Полицейский хочет послать за доктором, чтобы засвидетельствовать смерть. Давай беги и найди.

Джим подмигнул Салли и исчез. Портье кинулся к почтовому ящику и чертыхнулся.

– Маленький мерзавец! – пробормотал он. – Я должен был это предвидеть. Не угодно ли чашку чая, мисс? Вряд ли мистер Шелби побеспокоился об этом, не так ли?

– Нет, благодарю. Я должна идти. Моя тетя будет волноваться... Я понадоблюсь полицейскому?

– Полагаю, уже через минуту. Он спустится к вам сюда. Как... э... как же это случилось с мистером Хиггсом, что...

– Мы разговаривали о моем отце, – стала рассказывать Салли, – как вдруг...

– Слабое сердце. С моим братом случилось то же самое на прошлое Рождество. Он пообедал, закурил, а затем грохнулся лицом в блюдо с орехами. Ох, прошу прощения, мисс. Я не должен был вспоминать об этом.

Салли покачала головой. Тем временем спустился полицейский, записал ее имя и адрес и ушел. Она еще недолго побыла у портье, но, помня предостережение Джима, ни словом не обмолвилась о письме. А жаль, потому что он-то как раз мог бы ей что-нибудь рассказать.

Как мы видим, убийство не было целью Салли, несмотря на то что в сумочке у нее лежал пистолет. Действительная причина смерти мистера Хиггса – письмо, пришедшее только этим утром и пересланное адвокатом на Певерил-сквер, Айслингтон, в дом, где жила Салли. Дом этот принадлежал дальней родственнице ее отца, суровой вдове по имени миссис Риз, и девочка, к своему сожалению, жила здесь с самого августа.

Ее отец погиб три месяца назад, когда шхуна «Лавиния» пошла ко дну в Южно-Китайском море. Он отправился туда, чтобы проверить странные несостыковки в отчетах агентов своей компании на Дальнем Востоке – а в этом он мог разобраться только на месте. Перед отплытием он предупредил Салли, что это может быть довольно опасно.

– Я хочу поговорить с нашим человеком в Сингапуре, – сказал мистер Локхарт. – Это голландец по имени ван Иден – очень надежный малый. Если я почему-то не вернусь, только он объяснит тебе почему.

– Разве ты не можешь послать кого-то вместо себя?

– Нет. Это моя фирма, и я должен сам решать свои проблемы.

– Папа, ты обязательно должен вернуться!

– Конечно, вернусь. Но ты будь готова ко всему. Я же знаю, какая ты храбрая. Хвост морковкой, девочка! И думай о маме.

Мама Салли погибла во время восстания сипаев пятнадцать лет назад, убитая выстрелом в сердце из ружья, в тот самый момент, когда ее пуля сразила повстанца наповал. Салли, единственному ребенку в семье, было тогда несколько месяцев. Ее мать была страстная, необузданная молодая женщина, она ездила верхом как казак, стреляла как мужчина и курила (восхищая и без того восхищенный полк) крошечные черные сигары в костяном мундштуке. Она была левша, поэтому и держала свой пистолет в левой руке, поэтому и сжимала Салли правой, потому-то пуля, поразившая ее сердце, миновала ребенка; но она задела ручку и оставила шрам.

Салли совсем не помнила матери, но она ее очень любила. С тех пор ее растил отец – и очень чудно, по понятиям досужих сплетниц; но в то время отставка капитана Мэтью Локхарта и начатая карьера простого судового экспедитора были сами по себе очень странными поступками. Мистер Локхарт сам учил свою дочь по вечерам, а днем она делала что хотела. В результате ее познания в английской литературе, французском, истории, искусстве и музыке были не очень существенны, но у нее был мощный фундамент в основах военной тактики и бухгалтерии, близкое знакомство с делами фондовой биржи и практические знания об Индии. Кроме того, она отлично ездила верхом (хоть ее пони и не был в восторге от казацких замашек своей хозяйки); и на четырнадцатилетие отец купил ей маленький бельгийский револьвер, который она везде носила, и научил ее стрелять. Теперь она стреляла не хуже своей матери. Она была одинока, но вовсе не несчастна; единственное, что портило ей детство, был один кошмар.

Он снился ей раз или два в год. Она начинала чувствовать удушье от нестерпимой жары – в полной темноте, – и где-то неподалеку мужской голос кричал в ужасной агонии. Тогда среди тьмы пробивался мерцающий свет, как свечка у кого-то в руках, будто кто-то торопился впереди нее, и другой голос начинал плакать: «Смотри! Смотри на него! Боже мой, смотри...» Но меньше всего на свете она хотела смотреть туда; и в эту секунду Салли просыпалась задыхающаяся, в поту и слезах от страха. Прибегал ее отец, успокаивал, и вскоре она засыпала снова, но ей нужно было не меньше дня, чтобы прийти в себя.

Тем временем подошло время отплытия мистера Локхарта, недели разлуки и под конец – телеграмма о его смерти. Тотчас же его адвокат, мистер Темпл, взял на себя заботы обо всех делах. Дом в Норвуде был заколочен, слуги распущены, пони продан. Походило на то, что в завещании ее отца или в установленной опеке была какая-то неправильность, так что Салли оказывалась куда беднее, чем полагали все. Она была отдана под присмотр четвероюродной сестре мистера Локхарта, миссис Риз, у нее она и жила до того утра, когда пришло письмо.

Когда Салли распечатывала его, она думала, что оно от того самого голландца, мистера ван Идена. Но в бумаге была прореха, а почерк – неаккуратный и какой-то детский. Вряд ли хоть один европейский бизнесмен позволил бы себе так писать. Вдобавок ко всему оно было без подписи. Потому-то она и пошла в контору отца, в надежде, что кто-нибудь да объяснит, что все это значит.

И она установила, что кто-то действительно знал.

Салли вернулась на Певерил-сквер, который ни минуты не считала домом, и предстала перед миссис Риз.

У нее не было собственного ключа. Таков был один из способов миссис Риз дать ей почувствовать себя неуютно: Салли приходилось звонить в колокольчик всякий раз, когда она возвращалась в дом, и служанка, которая впускала ее, всегда показывала девушке, какие необыкновенно важные дела ей пришлось прервать ради этого.

– Миссис Риз в гостиной, мисс, – холодно сказала она. – Она велела передать, чтобы вы немедленно явились к ней, когда вернетесь.

Тетка сидела перед слабым огнем и читала том проповедей своего мужа. Она и не взглянула на вошедшую, которая с ненавистью вперила глазами в ее поблекшие рыжие волосы и мертвенную кожу. Миссис Риз еще не перевалило за пятьдесят, но она рано поняла, как ей подходит роль старой тиранки, и наслаждалась ею вовсю. Она вела себя так, будто она беспомощная старуха и за всю свою жизнь и пальцем не пошевелила ни ради себя, ни ради кого-то другого, поэтому присутствие гости радовало возможностью всячески ее шпынять и притеснять.

Салли встала у огня, подождала немного и наконец заговорила:

– Извините, что я опоздала, миссис Риз, я...

– Тетя Каролина, сколько ж можно повторять, – сказала та раздраженно. – Мне сказал адвокат, что я твоя тетя. Я так не считаю. Я этого не добиваюсь. Но я не собираюсь этого избегать.

Ее голос тянется и скрипит, думала Салли, и она будет говорить так долго и медленно...

– Служанка сказала, вы хотели меня видеть, тетя Каролина.

– Я сделала попытку представить себе твое будущее. Это было безуспешно. Ты собираешься пробыть здесь всю жизнь, хотела бы я знать? Или пяти лет было бы достаточно? Или десяти? Я только пытаюсь представить себе масштаб времени. Совершенно очевидно, что у тебя нет никаких перспектив, Вероника. Ты думала хоть когда-нибудь об этом, хотела бы я знать? Что ты вообще умеешь?

Салли ненавидела имя Вероника, но миссис Риз сказала как-то, что Салли больше подходит для служанки, и отвергла его. Сейчас Салли молчала, неспособная ответить сколько-нибудь вежливо, и вдруг поймала свои руки на том, как они сжимаются в кулаки.

– Мисс Локхарт, очевидно, стремится общаться со мной посредством мыслей, Эллен, – обратилась миссис Риз к служанке, которая почтительно стояла у дверей со сложенными руками и невинно распахнутыми глазами. – Мне предлагается понять ее, не прибегая к языку. Мое образование, увы, не позволяет мне выполнить столь изощренное задание. В наше время мы довольно часто использовали между собой язык. К примеру, когда нас спрашивали – мы отвечали.

– Боюсь, я ничего не умею, тетя Каролина, – тихо сказала Салли.

– Ничего, кроме скромничанья, ты хочешь сказать? Или скромность только первая в длинном списке? Несомненно, столь блестящий джентльмен, каким был твой покойный отец, не оставил тебя неподготовленной к жизни.

Салли беспомощно оглянулась. Сначала смерть мистера Хиггса, теперь это...

– Я так и думала. – Миссис Риз праздновала свою тусклую победу. – Судя по всему, даже до гувернантки тебе далеко. В таком случае мы обратим свои мысли на поиск более скромного поприща. Возможно, кто-то из моих друзей – мисс Таллет или миссис Рингвуд – будут столь добры, что найдут тебе место компаньонки. Я попрошу их. Эллен, можешь принести чай.

Служанка сделала книксен и вышла. Салли села с тяжелым сердцем: начинался еще один вечер глупых и злых насмешек, и за окнами густели сумерки, в которых таилась неведомая ей угроза.

Глава вторая. Паутина

Прошло несколько дней. Состоялось предварительное слушание по делу о смерти мистера Хиггса, на котором Салли пришлось присутствовать; миссис Риз была этим сильно раздосадована, потому что именно на это утро (по случайному совпадению) был назначен их визит к мисс Таллет. Салли честно отвечала на все вопросы судьи: она разговаривала с мистером Хиггсом о своем отце, когда он неожиданно упал замертво. Никто не задавал ей трудных вопросов и не пытался загнать ее в тупик. Она поняла: если притвориться слабой и напуганной и при этом постоянно промакивать глаза кружевным платочком, она сможет легко уклониться от затруднительных вопросов. Ей это очень не нравилось, но другого оружия не было – кроме револьвера. Но против ее врага, которого нельзя было увидеть, оно было бесполезно.

Как бы там ни было, никто особенно не удивился кончине мистера Хиггса. Был вынесен вердикт о естественной смерти: вскрытие выявило серьезную сердечную недостаточность, и дело было прекращено в течение получаса. Салли вернулась в Айслингтон, и жизнь потекла своим привычным чередом.

Но не совсем. Сама того не подозревая, она задела край паутины, и паук проснулся. Пока же она пребывала в своем неведении (сидючи в неудобной гостиной мисс Таллет и слушая, как эта достойная леди на пару с миссис Риз перебирает ее по косточкам), произошло три события, которые еще немножко встряхнули паутину и заставили паука обратиться своим взором и мыслью к Лондону и Салли.

Во-первых, некий джентльмен в холодном доме прочел газету.

Во-вторых, старая – как бы нам ее назвать?.. Впрочем, пока мы не познакомимся с ней поближе, у нас нет причин в чем-либо ее упрекать, так что назовем ее просто старой леди, – так вот, эта немолодая леди пригласила некоего стряпчего к себе на чашку чая.

И в-третьих, один моряк в очень затруднительном, если не сказать больше, положении сошел на берег в Ист-Индских доках и занялся поиском места, где бы переночевать.

Упомянутый выше джентльмен (слуги, когда таковых у него был полный штат, звали его Майором) жил на побережье, в доме, стоявшем над угрюмой полосой земли, затопляемой приливом, заболоченной и пустынной во время отлива. В жилище его не было ничего, кроме самого необходимого, так как состояние майора со временем претерпело весьма болезненный ущерб. Честно сказать, оно находилось при последнем издыхании.

В этот день он сидел у подоконника в своей нетопленной гостиной. Окно выходило на север, на унылое и пустынное море, и все-таки что-то его постоянно тянуло на эту сторону дома, заставляя рассматривать проплывающие вдали волны и корабли. Однако сейчас он не смотрел на море, а читал газету, поданную единственной оставшейся служанкой: кухаркой и одновременно экономкой, столь озабоченной выпивкой и столь нечистой на руку, что никто более не соглашался нанять ее.

Равнодушно пролистывая страницы, он старался держать газету таким образом, чтобы на нее падали последние лучи исчезающего света, все откладывая тот момент, когда придется зажечь лампу. Его глаза пробежали заголовки статей без всякого интереса, пока он не наткнулся на репортаж о происшествии в судоходной конторе, заставивший его сразу подскочить на месте.

Отрывок, более всего заинтересовавший его, гласил:

Единственным свидетелем произошедшего была мисс Вероника Локхарт, дочь покойного мистера Мэтью Локхарта, бывшего совладельца фирмы.

*О смерти самого мистера Локхарта, постигшей его во время крушения
ихуны «Лавиния», мы писали в августе.*

Джентльмен прочел это дважды и протер глаза. Затем он поднялся и отправился писать письмо.

За лондонским Тауэром, между верфью Святой Екатерины и Шедвеллским новым доком, находился квартал под названием Уоппинг – лабиринт кишаших крысами переулков, убогих гостиниц и ночлежек, пристаней и складов, узких рядов строений, единственные двери которых находились на уровне второго этажа, с поперечными балками и блоками для подтягивания к ним грузов. Глухие кирпичные стены и устрашающе выглядывшие приспособления над ними производили впечатление какого-то кошмарного застенка, в то время как свет, проникая сквозь воздух, мутный от угольной пыли, казалось, исходил откуда-то издалека – словно из верхних, забранных решетками окон.

Вся жестокость и грязь этих трущоб будто сошлись в одном месте под названием Гиблая Пристань. Когда-то здесь была верфь, но эти времена давным-давно миновали, теперь здесь сохранился лишь ряд битком набитых жильцами домов и лавчонок, жмущихся к самому краю обрыва над рекой: бакалейная лавка, пирожная, контора ростовщика, пивная с громким именем «Маркиз Грэнби» и гостиница.

Надо сказать, что слово «гостиница» в Ист-Энде имеет целый ряд значений. В худшем случае она представляет собой комнату, насквозь пропитанную сыростью и отвратительным зловонием, с натянутой посередине бельевой веревкой. Безнадежные пьяницы и нищие могли заплатить пенни за счастье уснуть не на холодном и грязном полу, а стоя, привалившись к этой веревке. В лучшем случае вам предоставляли сравнительно чистое помещение, в котором простыни меняют так часто, как это вздумается хозяевам или прислуге.

Где-то посередине находилась гостиница миссис Холланд. Здесь койка на одну ночь будет стоить вам три пенса, на день – четыре, целая комната – шесть и завтрак – пенни. Но вам не придется скучать в одиночку. Если даже блохи не заинтересуются вашей грешной плотью, то клопы – не такие снобы и не пренебрегут никаким даром небес.

Именно в этот дом и пришел мистер Иеремия Блит, весьма осанистый и не менее подозрительный хокстонский стряпчий. С хозяйкой гостиницы он встречался и раньше, но в другом месте; это был его первый визит на Гиблую Пристань.

Стук вызвал к дверям девочку, уже невидимую в наступивших сумерках, так что мистеру Блиту видны были только ее большие темные глаза. Она приоткрыла дверь и спросила в щелку:

– Кто там?

– Мистер Иеремия Блит. Миссис Холланд ждет меня.

Девочка открыла дверь пошире, впуская гостя, и тотчас растворилась во мраке прихожей.

Мистер Блит вошел. Сперва в ожидании хозяйки он барабанил пальцами по тулье своей шляпы, затем уставился на пыльную гравюру «Смерть Нельсона», стараясь особенно не задумываться о происхождении пятен на потолке.

Вскоре вместе с запахом вареной капусты и старых кошек явилась хозяйка дома. Это была тощая старуха с запавшими щеками, щелястым ртом и пронзительным взглядом. Она протянула гостю крючковатую руку и что-то прошамкала, но что именно, Блит не мог разобрать – с таким же успехом она могла заговорить по-турецки.

– Простите, мэм? Я не совсем...

Она радостно гукнула и повела мистера Блита в крошечную гостиную, где кошачий запах достигал уже полной своей глубины и силы. Как только дверь затворилась, старуха сняла с камина маленькую оловянную шкатулку, достала оттуда искусственные зубы и вставила их в рот, причмокнув губами. Они были ей порядком велики, так что выглядело это довольно устрашающе.

– Так-то лучше, – сказала она. – Вечно я забываю свои зубы! А достались-то они мне от моего дорогого муженька. Настоящая слоновая кость, без обмана! Сделаны в Индии, тому лет двадцать пять назад, а может, больше. Смотрите, какая вещица!

И она распахнула свою пасть, обнажив бурые клыки и серые десны над ними, щедро обдавая стряпчего звериным зловонием. Мистер Блит отступил назад.

– И когда он умер, мой бедный ягненочек, – продолжила она, – они чуть было не отправились за ним в гроб: никто и оглянуться не успел, как он умер. Холера, черт возьми! В неделю сгорел, бедный мой птенчик. Но я вырвала их прямо у него изо рта, прежде чем они нахлобучили на него крышку! Да вы посмотрите, их еще носить и носить!

Мистер Блит сглотнул.

– Да ну же, садитесь, будьте как дома. Аделаида!

Девочка выступила из тени. Ей не больше девяти, подумал мистер Блит, так что по закону она уже должна учиться в школе: новый закон о начальных школах, делавший обязательным обучение детей до достижения тринадцати лет, был введен как раз за два года до описываемых событий. Но совесть мистера Блита по своей призрачности была подобна этой девочке: слишком неосязаемая, чтобы задавать вопросы, слишком смутная, чтобы протестовать. Так что оба они – и совесть, и дитя – оставались безмолвными, пока миссис Холланд распоряжалась насчет чая, и столь же иллюзорны были их дальнейшие проявления.

Повернувшись наконец к своему гостю, миссис Холланд наклонилась и, легонько постукивая его по колену, произнесла:

– Ну? У вас ко мне есть дельце, не так ли? Не робейте, мистер Блит. Доставайте, что у вас там в портфеле – какие такие секреты.

– Кое-что есть, кое-что... – согласился стряпчий. – Хотя, строго говоря, никаких особенных секретов, ведь наша договоренность составлена на вполне законных основаниях...

Голос мистера Блита обладал свойством постепенно стихать к концу каждого пассажа, так что казалось, он всегда готов был пойти на попятный в самый последний момент. Но миссис Холланд энергично закивала головой.

– Точно, – сказала она. – Чистая игра, без всяких фокусов и выкрутасов. Вот это по мне. Валяйте дальше, мистер Блит.

Мистер Блит распахнул свой кожаный портфель и вытащил какие-то бумаги.

– Я ездил в Суэлнес на той неделе и заручился согласием известного нам джентльмена на условиях, оговоренных в прошлую встречу...

Тут в комнату вошла Аделаида с чайным подносом, и стряпчий умолк. Девочка поставила поднос на замусоренный маленький столик, сделала реверанс миссис Холланд и безмолвно вышла. Пока старуха разливала чай, мистер Блит продолжил:

– Гм-м... Теперь условия... Оговоренный предмет будет положен на хранение в банк Хаммонда и Витгроува на Винчестер-стрит.

– Какой такой оговоренный? Не виляйте, мистер Блит. Давайте-ка без этих штук.

Спряпчий, по мере сил избегавший называть вещи своими именами, был, кажется, обескуражен подобной прямоотой. Он понизил голос, подался вперед из своего кресла и оглянулся, прежде чем начать говорить.

– Гм-м... Рубин будет положен в банк Хаммонда и Витгроува и оставлен там вплоть до смерти вышеназванного джентльмена, после чего в сроки, установленные им в завещании, надлежащим образом мы – я и э-э-э... миссис Троп – засвидетельствуем...

– Кто такая? Соседка?

– Служанка, мэм. Правда, не очень надежная: она пьет, как я понимаю, но ее подпись на документе будет, конечно, вполне действительна... Гм! Рубин будет, как я сказал, у Хаммонда и Витгроува до самой смерти вышеуказанного джентльмена, после чего он станет вашей собственностью.

– И все по закону, верно?
– Совершенно верно, миссис Холланд...
– Ни сучка ни задоринки? Никаких «вдруг»?
– Будьте уверены, мэ. У меня с собой копия этого документа, собственноручно им подписанная. Предусмотрены все, так сказать, неожиданности.

Она взяла бумагу и подозрительно ее просмотрела.

– Похоже, все в порядке. Отлично, мистер Блит. Вы знаете, я честная женщина. Дело сделано – я плачу. Каковы ваши издержки?

– Издержки, мэ? А... конечно. Мой клерк как раз готовит счет, мэ. Я должен проверить, чтобы все было прописано надлежащим образом...

Итак, все было обговорено, и минут через пятнадцать мистер Блит поднялся со стула. После того как Аделаида препроводила его к двери, миссис Холланд осталась в маленькой гостиной, чтобы еще раз прочесть принесенный документ. Затем она вынула зубы, прополоскала их в чайнике, спрятала в коробочку и стала разглядывать доверенность Хаммонда и Витгроува, банкиров с Винчестер-стрит.

Третий наш новый знакомый звался Мэтью Бедвелл. В прошлом второй помощник капитана с грузового судна, осуществлявшего чартерные перевозки на Дальнем Востоке, ныне он находился в крайне плачевной ситуации.

Он блуждал в лабиринтах сумрачных улиц за Вест-Индскими доками. За плечом у него болтался мешок с вещами, тонкая куртка, плотно застегнутая доверху, едва защищала его от холода, однако он и помыслить не мог, чтобы вытащить из мешка что-нибудь потеплее: ведь тогда пришлось бы остановиться, пусть даже на полминуты, что в тот момент представлялось Бедвеллу подобием самоубийства.

В кармане у него лежала бумажка с адресом. Время от времени Бедвелл доставал ее и сверялся с названием улицы, прежде чем пройти еще немного, затем все повторялось. Тот, кто наблюдал бы за ним со стороны, мог подумать, что моряк в стельку пьян, однако в воздухе вокруг не чувствовалось ни малейшего запаха алкоголя. Более сострадательный наблюдатель мог предположить, что он болен или ему очень плохо, и это было бы ближе к истине. Но если бы кто-нибудь мог заглянуть к нему в голову и почувствовать всю неразбериху, которая там царилась, он удивился бы, каким образом Бедвелл вообще держится на ногах. Было две задачи, намертво сцепившиеся с его сознанием: одна швырнула его за пятнадцать тысяч километров в Лондон, другая заставляла драться за каждый сантиметр пути.

Вскоре вторая задача почти поглотила первую.

Бедвелл брел по узкой, грубо мощенной улице в районе Лаймхауса, вдоль черных от копоти и крошащихся от сырости кирпичных стен, когда вдруг заметил открытую дверь и пожилого человека, неподвижно сидевшего на ступеньке. Старик был китайцем. Он смотрел на Бедвелла и, когда моряк уже прошел мимо, двинул в его сторону головой и сказал:

– Твоя пыхнуть?

Бедвелл почувствовал, как каждая клеточка его тела рванулась к двери. Он качнул головой и закрыл глаза, потом ответил:

– Нет. Нет пыхнуть.

– Хороший цена один пых.

– Нет. Нет, – повторил Бедвелл и заставил себя идти вперед прочь оттуда. Он еще раз сверился со своей бумажкой и прошел сто метров или около того, прежде чем снова достать ее. Медленно, но уверенно он двигался, держа курс на запад, через Лаймхаус и Шедвелл, пока не оказался в Уоппинге. Он еще раз сверился с бумажкой, помедлил. Уже темнело; он взял немного левее. Неподалеку была пивная, и желтоватый гостеприимный свет притягивал его к себе, как мотылька.

Он заплатил за стакан джина и выпил его маленькими глотками, как лекарство: невкусно, но необходимо. И понял, что больше этой ночью он уже никуда не пойдет.

– Я ищу, где бы переночевать, – обратился Бедвелл к женщине за стойкой. – Думаете, можно что-нибудь найти поблизости?

– Двумя дверями дальше. Гостиница миссис Холланд. Но...

– То, что надо. Холланд. Миссис Холланд. Я запомню.

И он вздернул мешок на плечи. Женщина участливо посмотрела на моряка.

– Что с тобой, дружок? Я смотрю, вид у тебя не больно здоровый. Хлебни-ка еще джину.

Он помотал головой и вышел.

На стук Бедвелла вышла Аделаида и тихонько провела его в заднюю часть дома, в комнату с выходящим на реку окном. Стены сочились влагой, постельное белье было грязное, но ему было все равно. Аделаида принесла огрызок свечи и оставила его одного. Как только дверь за ней захлопнулась, он кинулся на колени и рванул свой мешок. В следующие несколько минут его трясущиеся руки были очень заняты; затем он повалился на кровать, глубоко вздохнул и почувствовал, как мир перед ним растворяется в сумраке забвения. Вскоре он окончательно погрузился в сон – столь глубокий, что более полусуток ничто на свете не могло бы его разбудить. Наконец-то он был в безопасности.

В Лаймхаусе он чуть было не поддался искушению. Чертов китаец со своим пыхом... Там, конечно, была опиумная курильня. А Бедвелл был рабом этого могучего зелья.

...Он спал, и что-то очень важное для Салли уснуло вместе с ним.

Глава третья. Джентльмен из Кента

Спустя три ночи Салли снова приснился тот же кошмар. Приснился? Но она могла бы поклясться, что это был не сон, все происходило точно наяву...

Страшная жара.

Она не может пошевелиться, руки и ноги завязли, потонули в темноте...

Она слышит шаги.

И внезапный крик, так близко от нее!

Бесконечный крик.

Вдруг свет – мерцающий, приближающийся. За ним – лицо – два лица – белые саваны с жуткими распахнутыми ртами.

Голоса из темноты: «Смотрите! Смотрите на него! О боже...»

Она проснулась.

Вынырнула, как пловец выныривает из пучины, все еще помня смертельный ужас глубины. Ее сотрясали рыдания. Опомнись, сказала она себе, отца нет, никто тебе не поможет, надо быть сильной.

Невероятным усилием воли она задушила в себе плач. Отшвырнула в сторону душное одеяло, пропитываясь прохладным ночным воздухом. Только когда ее начала бить крупная дрожь, Салли поняла, что и кошмар, и жара, его наполнявшая, окончательно улетучились. Тогда она снова закуталась в одеяло, но еще долго-долго не могла уснуть.

Наутро пришло письмо. Как только закончился завтрак, Салли ловко ускользнула от миссис Риз и закрылась в своей комнате. Письмо было переправлено ей адвокатом, как и предыдущее, однако теперь марка была английская, а стиль и почерк выдавали образованного человека. Она разорвала конверт, развернула листок дешевой бумаги – и резко выпрямилась.

Форланд-хаус Суэлнес Кент

10 октября 1872 года

Дорогая мисс Локхарт!

Мы с Вами не знакомы, Вы даже никогда не слышали моего имени. Могу только сказать, что много лет назад я хорошо знал Вашего отца и, надеюсь, это послужит извинением моему письму.

Я прочел в газете о несчастном случае в Чипсайде и тут же припомнил, что мистер Темпл из «Линкольнз-инна» был адвокатом Вашего отца. Надеюсь, это письмо дойдет до Вас. Я знаю, что Вашего отца нет в живых; пожалуйста, примите мои глубочайшие соболезнования.

Но сам факт его смерти и некоторые обстоятельства, касающиеся моих собственных дел, вынуждают меня говорить с Вами с неотлагательной срочностью.

В настоящий момент я могу сообщить Вам лишь три важных факта. Первое: этот вопрос связан с осадой Лакноу. Второе: здесь замешан предмет чрезвычайной ценности. И наконец, третье: Ваша собственная безопасность сейчас под угрозой.

Пожалуйста, мисс Локхарт, будьте осторожны, помните о моем предостережении. Во имя моей дружбы с Вашим отцом, во имя Вашей собственной жизни – приезжайте как можно скорее и выслушайте то, что я должен Вам сообщить. Есть очень веские причины, почему я не могу

приехать к Вам сам. Позвольте же мне подписаться моим собственным именем, несмотря на то что оно Вам не знакомо: неизменно преданный Вам, Ваш добрый друг Джордж Марчбэнкс.

Салли прочла это дважды, удивленная сверх всякой меры. Если ее отец и мистер Марчбэнкс были друзьями, почему же она никогда не слышала его имени до того письма с Дальнего Востока? И что это за опасность, которая ей грозит?

Семь блаженств...

Ну конечно! Он должен знать, какое неожиданное открытие сделал ее отец. По-видимому, отец написал ему, зная, что так письмо будет в полной сохранности.

У Салли было немного денег в кошельке. Взяв плащ, она тихонько спустилась по лестнице и вышла из дома.

Она села на поезд с таким чувством, будто начинает военную кампанию. Она представляла себе, как хладнокровно спланировал бы отец все ее этапы, прокладывая линии сообщений, создавая опорные пункты и находя надежных союзников. Теперь этим предстоит заняться самой Салли.

Мистер Марчбэнкс претендует на роль союзника. По крайней мере, он сможет рассказать ей что-то важное. Нет ничего хуже, чем не знать о нависшей над тобой опасности...

Она разглядывала серые окраины города, неотличимые по цвету от сельского пейзажа, и море, появившееся слева от вагона. Было видно не меньше пяти, а то и шести кораблей, стремительно плывущих к устью Темзы с распущенными парусами или на всех парах идущих прямо навстречу ветру.

Суэзнес оказался довольно маленьким городком. Салли решила не брать кэб, экономя свои скудные сбережения, поэтому она пошла пешком, предварительно выведав у носильщика, что Форланд-хаус находится совсем близко, не более километра, – сначала вдоль побережья, а затем по тропинке вдоль реки, сказал он. Она сразу отправилась в путь. Городок оказался унылым и холодным, река – грязной речушкой, вившейся среди солевых гряд, за которыми виднелась отдаленная мутно-серая полоса моря. Как раз закончился отлив, побережье было пустынно; лишь одна человеческая фигура виднелась неподалеку.

Это был фотограф. Он установил свою камеру как раз посередине тропинки возле реки, а рядом с ней – маленькую палатку, служившую ему «темной комнатой», – в те времена так делали многие фотографы. Он выглядел весьма любезным молодым человеком, и так как Салли не могла обнаружить никаких признаков прибрежной косы, не говоря уже о доме на ней, она решила спросить у него дорогу.

– Вы уже второй человек, которому туда надо, – ответил фотограф. – Дом – вон там, длинное такое приземистое здание. – Он указал на рожицу каких-то чахлах деревьев примерно в полукилометре.

– А кто был первым? – спросила Салли.

– Старуха. Ну в точности ведьма из «Макбета»!

Эта аллюзия осталась недоступной для Салли, и, видя ее недоумение, фотограф продолжил:

– Ну, такая морщинистая, знаете, совершенно отвратительная.

– Ага, понятно.

– Вот моя визитка, – сказал молодой человек. И ловко, как фокусник, вытащил откуда-то и протянул Салли белую картонную карточку. На ней было написано: *Фредерик Гарланд, мастер художественной фотографии*, и лондонский адрес. Она еще раз взглянула на него, уже с симпатией. Лицо Фредерика выдавало ум и чувство юмора, соломенные волосы частоколом торчали на голове, а манера себя вести была живая и располагающая.

– Простите мою надоедливость, – сказала девушка. – А что вы сейчас фотографируете?

– Пейзаж, – ответил он. – Немножко уныло, не правда ли? Но я хотел чего-то унылого и мрачного. Я экспериментирую с химическими смесями. У меня появилась идея, как повысить чувствительность пластинки при таком освещении по сравнению с обычным покрытием.

– Коллодием.

– Верно! Вы фотограф?

– Нет, просто мой отец интересовался... Но, простите, мне надо идти. Спасибо, мистер Гарланд.

Он понимающе улыбнулся и занялся своей камерой.

Тропинка петляла, пробегая вдоль грязного берега реки, и в конце концов вывела ее к той самой рощице. Тут, как и сказал фотограф, стоял дом, покрытый штукатуркой, с несколькими проплешинами на крыше, откуда слетела черепица. Сад зарос и явно давно не чищен. Более заброшенного места ей еще не приходилось видеть.

Салли ступила на крыльцо и уже хотела звонить в колокольчик, когда дверь распахнулась и на порог вышел мужчина.

Он приложил палец к губам и притворил за собой дверь, стараясь сделать это как можно бесшумнее.

– Пожалуйста, – прошептал он, – ни слова. Сюда, быстрее...

Салли заинтригованно последовала за ним. Идти пришлось вокруг всего дома. В конце концов он привел ее на маленькую застекленную веранду. Еще с минуту он напряженно прислушивался к звукам, доносившимся снаружи, и только затем протянул ей обе руки.

– Мисс Локхарт, я майор Марчбэнкс, – сказал он.

Салли пожала его руку. Он был уже немолод, лет около шестидесяти, подумала она. Глубоко посаженные темные глаза лихорадочно блестели, но лицо было землистого цвета, и одежда висела на нем мешком. Его голос показался ей странно знакомым, но в выражении лица чувствовалась такая напряженность, что Салли почти испугалась – прежде чем поняла, что он испуган еще больше.

– Ваше письмо пришло сегодня утром, – сказала она. – Это отец попросил вас связаться со мной?

– Нет... – Он удивился.

– Тогда скажите, слова «семь блаженств» что-нибудь вам говорят?

Майор Марчбэнкс озадаченно поглядел на нее.

– Простите, – сказал он, – вы приехали сюда, чтобы спросить меня об этом? Разве он, ваш отец, не...

Салли рассказала вкратце о последнем путешествии своего отца, о письме с Востока, о смерти мистера Хиггса. Майор казался совершенно обескураженным и сбитым с толку всеми этими странными событиями.

На веранде стоял карточный столик и единственный деревянный стул. Спohватившись, он предложил ей присесть и снова заговорил:

– У меня есть враг, мисс Локхарт, теперь он и ваш тоже. Это женщина, и она – сущий дьявол. Сейчас она здесь, в доме, потому мы и должны прятаться. И поэтому вам надо уехать отсюда как можно скорее. Ваш отец...

– Но почему? Что я ей сделала? Кто она такая?

– Пожалуйста, мисс Локхарт... Я не могу этого вам объяснить сейчас, но я все обязательно расскажу, потерпите. Я не знаю причин смерти вашего отца и ничего не знаю ни о семи блаженствах, ни о Южно-Китайском море, ни о грузовых рейсах. Он не мог знать о том дьяволе, который в меня вцепился, который сейчас... Я не могу вам помочь. Я ничего не могу сделать. Его надежда на меня оказалась тщетной, он снова ошибся.

– Снова?

Она увидела, как безысходное отчаяние исказило его лицо, и это ее испугало. В его глазах, казалось, не было и проблеска надежды.

Но тут девушка подумала о самом первом письме.

– Вы когда-нибудь жили в Чатеме? – спросила она.

– Да, давным-давно. Но сейчас нет времени говорить об этом. Вот, возьмите скорей.

Майор открыл ящик стола и вытащил оттуда упакованный в коричневую бумагу предмет. Он был около пятнадцати сантиметров в длину, обвязан бечевкой и запечатан сургучом.

– Здесь все написано. Может быть, раз он ничего не сказал вам об этом, я тоже не должен... Вас ожидает страшное потрясение. Будьте, пожалуйста, к этому готовы. По крайней мере, вы узнаете, почему ваша жизнь в такой опасности.

Когда Салли принимала сверток, ее руки тряслись; заметив это, он накрыл их своими ладонями и опустил голову.

И тут дверь отворилась.

Посерев, Марчбэнкс отскочил в сторону. На веранду заглянула немолодая женщина.

– Она в саду, сэр.

Женщина выглядела столь же подавленной, как и хозяин; от нее шла мощная волна спиртового духа. Майор Марчбэнкс кивнул Салли.

– В дверь, – шепнул он. – Спасибо, миссис Троп. Быстрее же, быстрее...

Миссис Троп неуклюже отодвинулась и попыталась улыбнуться Салли, когда та протискивалась мимо. Майор провел ее через дом, и она успела разглядеть всю отчаянность его положения: пустые комнаты, голые полы и насквозь отсыревшие стены. Его страх был заразителен.

– Пожалуйста! – воскликнула она, когда он потянулся к парадной двери. – Кто этот враг? Я же ничего не знаю! Скажите хоть ее имя!

– Ее зовут миссис Холланд, – прошептал он, открывая скрипучую дверь и оглядывая округу. – Прошу вас, уходите сразу. Вы пришли пешком? Вы молодая, сильная и быстрая – не медлите, идите как можно быстрее прямо в город. Простите меня, простите и – не медлите. Простите.

Он едва сдерживал слезы, когда говорил.

Она вышла, дверь закрылась. Вряд ли их разговор занял больше десяти минут. Салли взглянула на белую оштукатуренную стену дома: не следят ли за ней откуда-нибудь вражеские глаза?

Не медля ни секунды, она пустилась в обратный путь по обсаженной темными деревьями аллее и вышла на тропинку, бегущую вдоль реки.

Начался прилив, волны неспешно накатывали на берег. Фотограф куда-то исчез, и все вокруг выглядело еще более мрачно, голо и уныло.

Девушка поспешила дальше, непрерывно думая о свертке, лежащем в ее сумке. На полпути вдоль берега Салли остановилась и посмотрела назад. Она не поняла, что ее заставило это сделать, – как вдруг увидела маленькую фигурку, мгновенно спрятавшуюся за деревом: женщину в черном. Старую женщину. Она находилась слишком далеко, чтобы разглядеть ее получше, но было ясно, что она спешила вслед за Салли. Эта черная точка была единственным, что нарушало серое однообразие пустынного побережья.

Салли ускорила шаг и ускоряла его до тех пор, пока не вышла на главную дорогу. Здесь она снова оглянулась. Черная фигурка была уже не в отдалении, как раньше, но приближалась с неумолимостью прилива. И скрыться было негде.

Дорога в город теперь слегка поворачивала от моря, и Салли пришло в голову, что, если она сойдет на придорожную тропинку в тот момент, когда ее не видно, она сможет...

И тут она снова увидела фотографа. Он стоял лицом к морю, рядом со своей палаткой, и выстраивал композицию. Она еще раз посмотрела назад: черная фигурка была скрыта краем

ряда прибрежных домов. Салли припустила что есть духу, в этот момент он заметил ее и радостно ухмыльнулся.

– Это опять вы, – сказал он.

– Пожалуйста, помогите мне!

– Охотно! Что нужно сделать?

– Меня преследует старуха, она очень опасная, и я не знаю, куда мне от нее спрятаться.

Его глаза весело заблестели.

– В палатку, быстро, – сказал он, откидывая шторку. – Не двигайтесь, а то все переколоти. И не обращайтесь внимания на запах.

Салли нырнула внутрь и оказалась в крошечной темноте; фотограф тем временем задернул полог и крепко его зашнуровал. Запах внутри был сногшибательный – будто гремучая смесь нюхательных солей.

– Не разговаривайте, – тихо сказал он. – Я скажу, когда она уйдет. Черт возьми, вот и она! Пересекает дорогу... Идет прямо к нам...

Салли застыла; ей были слышны крики чаек, цокот подков, скрип проехавшей повозки, и вдруг – отчетливый, быстрый стук пары подбитых гвоздями ботинок. Они остановились не более чем в трех шагах от нее.

– Извините, сэр, – раздался голос, в котором одышка и хрип смешивались с каким-то странным пощелкиванием.

– Что-что? Я вас не слышу. – Голос Фредерика звучал приглушенно. – Погодите минуточку. Я же выстраиваю композицию. Не могу вылезти, пока не закончу... Ну вот, готово. – Тут фотограф вынырнул из-под покрывала. – Я вас слушаю, мэм.

– Здесь не проходила молодая девушка, сэр? В черном?

– Проходила. Чертовски быстро. Необыкновенно хорошенькая, блондинка. Она?

– Уж конечно, такой пригожий молодой человек не пропустит красоты! Да, это она, сэр. Вы заметили, какой дорогой она пошла?

– Собственно говоря, она спросила меня дорогу на Суон. Мол, хочет успеть на рамсгейтскую почтовую карету. Я сказал ей, что у нее осталось десять минут, не больше.

– Суон? Где это?

Фотограф стал подробно объяснять, старуха нетерпеливо поблагодарила и припустила в погоню.

– Не двигайтесь, – тихо сказал Фредерик. – Она еще не завернула за угол. Боюсь, вам придется еще немного потерпеть это зловоние.

– Спасибо, – вежливо ответила Салли. – Хотя вам и ни к чему было так расхваливать меня.

– О боже мой! Хорошо, беру свои слова обратно. Вы такая же уродина, как она! Но объясните мне: что тут вообще происходит?

– Сама не знаю. Я запуталась в какой-то ужасной истории. Я даже не могу рассказать вам, в чем дело...

– Ш-ш-ш!

На дороге послышались шаги; они медленно приблизились, миновали палатку и затихли вдали.

– Толстяк с собакой, – объяснил Фредерик. – Ушел.

– А ее вы видите?

– Нет, она скрылась. Отправилась в Рамсгейт, и скатертью ей дорожка.

– Можно мне теперь выйти?

Он расшнуровал полог и откинул его.

– Спасибо, – сказала Салли. – Сколько я вам должна за использование палатки?

Фотограф широко раскрыл глаза и едва не расхохотался, но вежливость победила. Салли почувствовала, как краска стыда и смущения заливают ее щеки: она не должна была предлагать ему деньги. Она быстро отвернулась.

– Не уходите, – сказал Гарланд. – Я ведь так и не знаю вашего имени. Оно и будет мне наградой.

– Салли Локхарт, – ответила она, пристально глядя на море. – Сожалею, если я вас обидела. Я не нарочно...

– Вы меня нисколько не обидели. Только, знаете ли, не за все в жизни можно расплатиться деньгами. Что же вы сейчас намерены делать?

Салли почувствовала, что с ней обошлись как с ребенком. Это было не очень-то приятно.

– Вернуться в Лондон, конечно. И не попасться ей на глаза. До свиданья.

– Может быть, вы разрешите составить вам компанию? Я уже закончил и, если эта старая проныра опасна...

– Нет, благодарю вас. Мне надо идти.

И она пошла прочь. Ей было бы приятно ехать вместе с ним в поезде, но признаться в этом она не могла – даже себе. Она почувствовала, что маска беззащитности, которая так хорошо действовала на других мужчин, в данном случае не сработает. Вот почему она предложила ему деньги: чтобы быть с ним на равных. Но это тоже оказалось неправильным. И теперь Салли почувствовала свою полную беспомощность. И одиночество.

Глава четвертая. Мятеж

Никаких следов старухи на станции не было.

Разнообразили пейзаж только пастор с женой, три или четыре солдата и дама с двумя детьми. И Салли без помех нашла себе пустое купе.

Она подождала, пока поезд миновал станцию, и распаковала сверток. Он был перевязан веревкой и к тому же крепко запечатан сургучом, так что она сломала себе ноготь, пытаясь соскрести его. Но все-таки ей это удалось, и она достала книгу.

Это было что-то вроде дневника, довольно толстого и очень убористо исписанного. Он был грубо переплетен в серый картон, но прошивка частично истлела, и некоторые листки выпадали. Салли осторожно вставила их на место и начала читать.

На первой странице была надпись:

Повесть о событиях в Лакноу и Аграпуре в 1856–1857 годах, включая отчет об исчезновении рубина Аграпура и о роли, которую сыграло в этом дитя по имени Салли Локхарт.

Так это же она! И рубин...

Миллион вопросов заметался в ее голове, как мухи над столом с объедками, смущая ее и сбивая с толку. На секунду она закрыла глаза и собралась с мыслями, затем начала читать.

В 1856 году я, Джордж Артур Марчбэнкс, состоял на службе в 32-м полку легкой пехоты герцога Корнуэльского в городе Аграпуре, в провинции Оуд. За несколько месяцев до вспьшки мятежа я имел случай посетить махараджу Аграпура вместе с тремя моими лучшими друзьями-офицерами; это были полковник Брэндон, майор Парк и капитан Локхарт.

Этот визит был якобы частным и чисто развлекательным. На самом же деле нашей главной задачей было проведение некоторых серьезных политических переговоров с махараджей. Суть этих переговоров не имеет отношения к моему рассказу, за исключением того, что они давали новую пищу подозрениям, питаемым к нему частью подданных, – подозрениям, которые привели, как я покажу, к его гибели во время ужасных событий следующего года.

На второй вечер визита в Аграпур махараджа давал банкет в нашу честь. Стремился он или нет поразить нас своим богатством, но ему это вполне удалось: мне никогда еще не доводилось видеть такого блеска и такой расточительности, как в тот вечер.

Вдоль всей пиришественной залы высились колонны из мрамора самой изысканной отделки, на их капителях были высечены изображения лотоса, сверкающие яркой позолотой. Пол был сложен из ляпис-лазури и оникса; из фонтана била струя благоуханной розовой воды, и придворные музыканты махараджи наигрывали свои странные томные мелодии за ширмой из инкрустированного красного дерева. Блюда были из чеканного золота, но центром внимания был рубин, невероятной величины и необыкновенной чистоты, сиявший на груди махараджи.

Это был знаменитый рубин Аграпура, о котором я был весьма наслышан. Я не мог от него оторваться; что-то в глубине и красоте этого камня, в кроваво-красном переливающимся огне, которым он полнился, настолько завораживало и очаровывало меня, что я погрузился в его

созерцание, забыв о приличиях. Махараджа заметил мой интерес и рассказал нам историю рубина.

Он был найден в Бирме шесть столетий тому назад и в качестве дани отдан Балбану, королю Дели, от которого он перешел в княжеский дом Аграпура. В течение этих веков его теряли, крали, продавали, давали вместо выкупа, но он всегда возвращался к своим царственным хозяевам. Он стал причиной сотен смертей: убийств, казней, самоубийств, а однажды явился поводом к войне, в которой было вырезано население целой провинции. Меньше пятидесяти лет назад рубин был украден одним французским искателем приключений. Бедняга! Он думал скрыть кражу, проглотив камень, но тщетно: ему, живому, вспороти брюхо, и рубин еще теплым вывалился наружу.

Рассказывая эту историю, махараджа пристально смотрел мне в глаза.

– Не желаете ли увидеть его поближе, майор? – спросил он, закончив. – Поднесите камень к свету и загляните внутрь. Но держитесь, чтоб не упасть!

Я осторожно принял рубин и сделал так, как он посоветовал. Когда свет лампы упал на камень, случилось что-то странное: красное мерцание в его глубине вдруг за клубилось и распалось на части, как дым, обнажая ряды каменистых уступов и провалов – фантастический пейзаж из ущелий, гор и ужасающих бездн, не имеющих дна. Только однажды я читал о подобном пейзаже – но то был бред и ужас курильщика опиума.

Результатом этого необычайного зрелища было то, что и предсказывал махараджа. Внезапное головокружение заставило меня пошатнуться. Капитан Локхарт поймал мою руку, уже готовую разжать пальцы; махараджа, смеясь, взял камень обратно, и все происшествие общими усилиями обратилось в шутку.

Вскоре наш визит закончился. С тех пор я не видел махараджу год или более, и в следующий раз мы встретились уже во время того ужасного события, которое и представляет собой кульминацию моего рассказа, – события, принесшего мне больше стыда и горя, чем я мог себе представить. Да подарит мне Господь (если нашими судьбами правит Он, а не сонмище беснующихся демонов) прощение и забвение! Да будет так, аминь!

Год, который прошел с тех пор, как я впервые увидел камень, был временем знаков и предзнаменований – знаков смертоносной бури, готовой уже разразиться над нами, того самого мятежа, приближение которого никто из нас не смог распознать. Это не мое дело – останавливаться на его ужасах и жестокости. Пусть другие, куда более красноречивые, чем я, расскажут историю того времени, с его подвигами, встающими, как маяки, над морем отвратительной бойни; достаточно сказать, что, пока сотни гибли, я выжил, я и трое других, в чьих судьбах рубин продолжает играть главенствующую роль.

Теперь я обращаюсь ко времени осады Лакноу, незадолго до того, как мятежники были отброшены Хавелоком и Оутрэмом.

Мой полк квартировал в городе, и когда...

Салли подняла голову. Поезд подъезжал к станции, вывеска над перроном гласила «ЧАТЕМ». Она захлопнула книгу, в ее голове кружились странные образы: царский банкет, зловещие смерти, камень, опьяняющий, как опиум... «Трое других» выжили, сказал майор; ее отец и она сама, это понятно. Но кто же третий?

Она снова раскрыла книгу – и тут же захлопнула ее, потому что дверь купе отворилась и вошел мужчина.

Он был в светлом твидовом пальто, булавка с ярким камнем в галстук придавала ему щеголеватый вид. Увидев Салли, он приподнял котелок.

– Добрый день, мисс.

– Добрый день.

Салли кивнула и отвернулась к окну. Ей не хотелось разговаривать, и в этой излишне фамильярной улыбке джентльмена было нечто такое, что ей сразу не понравилось. Девушки ее круга никогда не путешествовали в одиночку, это выглядело странно и могло привлечь ненужное внимание.

Поезд двинулся мимо станции, мужчина вынул сверток с бутербродами и принялся с аппетитом завтракать. Теперь весь его интерес сосредоточился на еде, и Салли немного успокоилась. Она устроилась поудобнее и начала разглядывать болота и топи, город вдалеке, мачты кораблей в доках и верфи.

Время шло. В конце концов поезд вкатился на станцию Лондон-Бридж, под навес темного стекла, стук колес замедлялся, постепенно стихая, свист паровоза смешался с криками носильщиков и хлопаньем дверей. Салли встрепенулась и протерла глаза: она неожиданно задремала.

Дверь купе была распахнута настежь.

Мужчина исчез, и вместе с ним – книга. Он украл ее и был таков.

Глава пятая. Курительная церемония

Салли позвонила в колокольчик и бросилась к двери. Платформа была заполнена народом, а единственное, что она запомнила в этом мужчине, было его твидовое пальто и котелок; но таких были десятки...

Она вернулась в купе. Сумка лежала в углу на прежнем месте, и Салли нагнулась было за ней, как вдруг заметила на полу под сиденьем несколько листов бумаги.

Книга была непрочно переплетена, они выпали, и вор, должно быть, этого не заметил!

Большая часть листов была чистой, но на одном было несколько строчек без начала, очевидно продолжающих рассказ с предыдущих страниц. Написано было вот что:

...в темноте, под морским узлом. Три красных огня ярко горят там, когда луна гонит воду. Возьми его. Это мой дар. По всем законам Англии он твой. Antequam haec legis, mortuus ero; utinam ex animo hominum tarn celeriter memoria mea discedat.

Салли не знала латынь, поэтому до поры она просто сложила бумагу и спрятала ее в сумку, и вскоре, с тоской и отвращением, предстала пред миссис Риз.

Между тем в Уоппинге происходила сделавшаяся обычной зловещая церемония.

Раз в день по приказу миссис Холланд Аделаида относила миску с похлебкой постояльцу со второго этажа. Старая перечница довольно быстро обнаружила тайное пристрастие Мэтью Бедвелла и, раз заинтригованная, она уже не могла упустить такой случай удовлетворить свое нездоровое любопытство.

Из обрывков бреда, который нес ее постоялец, вырисовывалась весьма интересная история. Он находился на грани безумия, попеременно то обливаясь лихорадочным потом, то яростно атакуя страшные видения, вылезавшие из грязных стен и обступавшие его со всех сторон. Миссис Холланд терпеливо слушала, давала ему небольшую дозу наркотика, снова слушала и добавляла еще немного опиума в обмен на подробности о вещах, которые ее особенно заинтересовали. Мало-помалу складывалась целая картина, и миссис Холланд начинала понимать, что у нее в руках – точнее, почти в руках – находится настоящее сокровище.

Рассказ Бедвелла имел самое непосредственное касательство к делу Локхарта и Шелби, агентов по снабжению судов. Уши миссис Холланд мгновенно сделали стойку, едва она услышала имя Локхарта; у нее был свой интерес к этой семье, и такое совпадение немало ее удивило. Но как только она узнала всю историю, она поняла, что это новый поворот ее дела: пропажа шхуны «Лавиния», смерть ее владельца, резкое увеличение прибыли с их китайских рынков и еще сотни мелочей. И миссис Холланд, женщина совершенно неверующая, благословила руку Провидения.

Бедвелл был еще слишком слаб, чтобы двигаться. Миссис Холланд не была абсолютно уверена, что выжала все знания из его обкуренных мозгов, – вот почему она продолжала держать его при себе и сохраняла ему жизнь, если, конечно, его существование можно было назвать жизнью. Но реши она, что задняя комната нужна для других надобностей, Смерть и Бедвелл, разминувшиеся было в Южно-Китайском море, воссоединились бы прямо в Темзе. Гиблая Пристань была самым подходящим для этого местом.

А пока Аделаида, с миской теплой жирной похлебки и грубо отрезанным ломтем хлеба, поднималась по лестнице в заднюю комнату. Внутри было совсем тихо; она надеялась, что больной спит. Приоткрыв дверь, она поневоле задержала дыхание от тяжелого спертого воздуха внутри, тело ее задрожало от холодной сырости, мгновенно пробравшей ее до костей.

Мужчина лежал на матрасе под грубым одеялом, закрывавшим его по грудь, и не спал. Его глаза неотступно двигались за ней с той секунды, когда она вошла и поставила миску на стул.

– Аделаида, – прошептал он.

– Да, сэр?

– Что у тебя тут?

– Похлебка, сэр. Миссис Холланд велела вам ее съесть, потому что это вам поможет.

– Ты принесла мне трубку?

– После похлебки, сэр.

Она не смотрела на него; оба говорили шепотом. Он приподнялся на локте, затем, преодолевая боль, оперся о спинку кровати. Тем временем Аделаида неподвижно встала у стены, и только ее огромные глаза казались живыми.

– Давай сюда, – сказал он.

Аделаида поднесла ему миску, покрошила туда хлеб, а затем снова отошла к стене. У Бедвелла не было никакого аппетита, и он оттолкнул это варево после нескольких ложек.

– Не хочу. Нет в ней ничего доброго. Где трубка?

– Вам надо поесть, сэр, не то миссис Холланд приберет меня. Пожалуйста...

– Сама ешь. Если в тебя это полезет, – проворчал он. – Ну же, Аделаида! Трубку, скорее.

Она неохотно растворила шкаф – единственный предмет обстановки в комнате, кроме кровати и стула, – и вынула оттуда длинную тяжелую трубку, состоящую из трех отдельных секций.

Он не отрываясь смотрел, как она составила их вместе, положила трубку возле него, отрезала маленький кусочек от большого куска коричневого смолистого вещества, тоже вынутого из шкафа.

– Ложитесь, – сказала она. – Оно же быстро действует. Еще свалитесь.

Бедвелл сделал, как ему велела эта девочка, и расслабленно растянулся. Промозглый серый свет увядающего дня, едва пробиваясь сквозь многолетние наросты грязи на крошечном окне, придавал этой сцене мрачный оттенок старинной гравюры на стали. Огонек спички высветил на подушке медленно ползущего клопа. Аделаида поднесла зажженную спичку к кусочку опиума. Затем, нанизав его на длинную булавку, она стала водить им взад-вперед над огнем, пока он не начал пузыриться и не повалил дым. Бедвелл втягивал его через мундштук, Аделаида держала опиум над чашечкой трубки, куда непрерывно всасывался сладкий дурманящий дым.

Когда опиум перестал куриться, Аделаида зажгла еще одну спичку и повторила операцию снова. Она люто ненавидела все это. Она ненавидела то, что происходило с Бедвеллом после, потому что тогда ей начинало казаться, что под каждым человеческим лицом таится личина слюнявого несчастного идиота, глядящего в пустоту.

– Еще, – пробормотал он.

– Больше нет, – прошептала она.

– Ну же, Аделаида, – хныкнул он. – Еще!

– Последний раз.

Еще раз она чиркнула о коробок, еще раз опиум запузырился и задымил. Дым повалил в чашечку трубки, будто река, впадающая в землю и исчезающая под ней. Аделаида подула на огонек и бросила спичку на пол.

Он глубоко вздохнул. Но дыма в комнате было так много, что Аделаиде стало плохо.

– Ты знаешь, что я не могу встать и обратиться отсюда?

– Да, сэр, – прошептала она.

Странная вещь происходила с его голосом, когда Бедвелл был в опиумном трансе; он терял всю свою матросскую грубость и неожиданно приобретал какие-то благородные и мягкие оттенки.

– И все же я думаю об этом. День и ночь. О Аделаида... Семь блаженств! Нет, нет! Вы, демоны и дьяволы, оставьте меня!

У него начался бред. Аделаида села как можно дальше от него. Она не смела уйти, так как миссис Холланд всякий раз выпрашивала ее, о чем он говорил; но не менее того она боялась оставаться, потому что всякий раз после этого ей снились кошмары. Еще дважды Бедвелл произнес эти слова, и оба раза с ужасом.

И тут он неожиданно остановился на середине предложения. Его взгляд прояснился и стал мягче.

– Локхарт, – произнес он. – Теперь я вспомнил. Аделаида, ты здесь?

– Да, сэр.

– Постарайся кое-что запомнить ради меня. Сможешь?

– Да, сэр.

– Человек, его звали Локхарт... он попросил найти его дочь, ее зовут Салли. У меня для нее послание. Очень важное... Найдешь ее?

– Не знаю, сэр.

– Лондон очень большой. Может, тебе не удастся.

– Я могу попробовать, сэр.

– Хорошо. Боже мой, что я делаю? – продолжал он жалостно. – Посмотри на меня. Я слаб, как дитя... Что сказал бы мой брат?

– У вас есть брат, сэр?

Уже совсем стемнело, и Аделаида, едва видимая сквозь опиумную дымку, казалась матерью у постели больного ребенка. Она повернула его лицо к себе и утерла краем грязной простыни. Он благодарно сжал ее руку.

– Мой брат – славный парень. Мы близнецы. Тела одинаковые, но у него душа вся светлая, Аделаида, а моя гнилая и черная. Он священник. Николас. Его преподобие Николас Бедвелл... У тебя есть братья или сестры?

– Нет, сэр. Ни тех, ни других.

– А мать у тебя есть? Отец?

– Матери нет. Зато отец есть. Он сержант-вербовщик.

Это была неправда. Отец Аделаиды был неизвестен даже ее матери, которая сама исчезла две недели спустя после рождения дочери; и Аделаида придумала себе отца, одарив его достоинствами самых блестящих и доблестных людей, каких только она видела в жизни или могла выдумать. Один из этих прообразов, лихой гуляка в шляпе набекрень и со стаканом в руке, однажды подмигнул ей, стоя с приятелями у входа в паб и громко хохоча над какой-то непристойной шуткой. Она не слышала ее. Единственным, что она запомнила, был исполненный благородства образ мужчины, словно лучом прорезавший тьму ее жизни. В это мгновение дочь родила себе отца.

– Славный человек, – пробормотал Бедвелл. – Лучший из людей.

Глаза его закрывались.

– Засыпайте, сэр, – прошептала девочка.

– Не говори ей, Аделаида. Не говори ей того... что я сказал. Она – ведьма.

– Да, сэр....

Моряк снова начал бредить, комната наполнилась привидениями и китайскими демонами, видениями адских пыток, ужасных агоний и разверзшихся под ногами головокружильных бездн. Аделаида сидела в темноте, держа его за руку, и думала.

Глава шестая. Письма

Со смертью мистера Хигса жизнь в конторе сделалась совершенно безрадостной. Изнурительная война между портье и Джимом сошла на нет: у старика кончилась охота прятать Джимовы журнальчики в разных тайных местах, да и сам Джим забросил чтение. В тот день он мучился от безделья, сидя в комнате портье да стреляя из резинки бумажными шариками в портрет королевы Виктории над камином.

Когда Аделаида подошла и легонько постучала по стеклу, Джим ее не заметил вовсе: он был занят совершенствованием своей меткости. Старик приоткрыл окошко и крикнул:

– Да? Что вам угодно?

– Мисс Локхарт, – был ответ.

Джим услышал и выглянул наружу.

– Мисс Локхарт? Уверены? – спросил портье.

Она кивнула.

– А зачем она вам? – спросил Джим.

– Не твое дело, бесенок, – сказал портье.

Джим в отместку пульнул бумажным шариком в его голову и ловко увернулся от слабого подзатыльника, которым в ответ наградил его старик.

– Если у вас есть послание для мисс Локхарт, я передам, – сказал Джим. – Давайте-ка его сюда.

Он выскочил из комнаты и отвел девочку в сторону, чтобы быть вне досягаемости слуха портье.

– Тебя как звать?

– Аделаида.

– Для чего тебе нужна мисс Локхарт?

– Не знаю.

– Кто же тебя послал?

– Один господин.

Джиму пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова, и тотчас же ему в нос ударила гремящая смесь запахов гостиницы миссис Холланд и невымытого детского тела. Но мальчишка не был брезглив, к тому же он вспомнил нечто весьма важное.

– Ты когда-нибудь слышала о чем-то, что называется *семь блаженств*?

В последние две недели он спрашивал об этом всех, кого только мог, – кроме мистера Шелби; но ответ был всегда один и тот же: нет, никогда.

Но она как раз слышала. И испугалась. Аделаида съежилась в своем плащике, и глаза ее потемнели.

– Ну и что? – прошептала она.

– Так ты слышала, да?

Она кивнула.

– Ну и что это такое? Это очень важно.

– Я не знаю.

– Где же ты слышала?

Она скривила рот и посмотрела в сторону. Два клерка вышли из конторы и встали на верхних ступеньках лестницы, совсем недалеко от них.

– Эге, – воскликнул один. – Погляди-ка на Джима. Да он завел себе девчонку!

– Кто же твоя возлюбленная, Джим? – вторил ему другой.

Джим метнул презрительный взгляд и изверг поток ругательств такой силы, что легко бы мог потопить линейный корабль. Он не особенно церемонился с клерками, они были для него низшей формой животного мира.

– Нет, ты только послушай! – сказал первый, когда Джим остановился, чтобы перевести дыхание. – Какое красноречие!

– Все дело в подаче, – заметил второй. – Сколько силы, сколько нечеловеческой страсти!

– Вот именно нечеловеческой, – согласился первый.

– Заткни хлебало, Скидмор, – ответил Джим. – Я не расположен терять время, слушая вашу болтовню. Эй, – сказал он Аделаиде, – пошли.

Под рев и свист клерков Джим взял ее за руку и потащил на улицу.

– Не обращай на них внимания, – сказал он. – Слушай-ка, ты должна рассказать мне о *семи блаженствах*. Здесь один человек умер из-за них.

И он рассказал ей всю историю. Аделаида ничего не ответила, но ее глаза еще больше расширились.

– Мне надо найти мисс Локхарт, он так велел, – наконец произнесла она, когда Джим закончил. – Но не дай бог, узнает миссис Холланд, она меня убьет.

– Ну, так говори, черт возьми, что он такое сказал!

Она начала – сбивчиво, то и дело запинаясь; у нее не было опыта рассказчика, и, не привыкнув к тому, чтобы ее внимательно слушали, она не знала, как громко нужно говорить. Джиму приходилось поминутно останавливать ее и просить повторить.

– Все ясно, – подвел он итог. – Я разыщу мисс Локхарт, и ты сможешь поговорить с ней. Договор?

– Я не могу, – сказала Аделаида. – Я не могу уйти из дому, разве что миссис Холланд пошлет меня за чем-нибудь. Она меня убьет, честное слово.

– Да не посмеет она! Тебе нужно будет выйти, а то...

– Нет. Она убила девочку, которая служила до меня. Она распорола ей брюхо и выпустила кишки. Она сама мне рассказывала.

– Ну хорошо. А как же тогда ты собираешься найти мисс Локхарт?

– Не знаю.

– Вот это мне нравится! Ладно, так и быть. Я буду каждый вечер ходить через Уоппинг из конторы. Мы встретимся там где-нибудь, и ты расскажешь, что произошло. Где мы можем встретиться?

– У Старой Лестницы.

– Ясно. У Старой Лестницы, каждый вечер, в полседьмого.

– Мне надо идти.

– Не забудь, в полседьмого!

Но Аделаида уже исчезла.

*13, Форчун-Билдингс, Чандлерз-роу, Клеркенвилл.
Пятница, 25 октября 1872 года*

*Мисс С. Локхарт
9, Певерил-сквер,
Айслингтон*

Дорогая мисс Локхарт!

Должен Вам сообщить то, что я узнал о семи (7) блаженствах. Есть некий джентльмен по имени мистер Бедвелл, который сейчас живет в гостинице миссис Холланд, Гиблая Пристань, Уоппинг. Он курит опиум и говорит о Вас. И о семи блаженствах, но я пока еще не знаю, что это значит.

Хозяйка дома – миссис Холланд, ей лучше не доверять. Если вы придете завтра к эстраде в Клеркенвилл-гарденз в полтретьего, расскажу кое-что еще.

*Честь имею оставаться
Вашим смиренным и покорным слугой,
Д. Тейлор, эсквайр (Джим).*

Так писал Джим в лучших традициях деловой переписки. Он послал письмо в пятницу в твердой уверенности (как-никак на дворе девятнадцатый век), что оно будет доставлено по адресу до конца дня и завтра же он будет иметь случай в этом убедиться.

*Гостиница миссис Холланд, Гиблая Пристань, Уоппинг.
25 октября 1872 года*

Сэмюэл Шелби, эск., компания «Локхарт и Шелби», Чипсайд, Лондон

Дорогой мистер Шелби!

*Имею удовольствие представить Вам джентльмена, который обладает достоверной информацией касательно до ваших предприятий на Востоке. Этот джентльмен желает передать, что будет вынужден опубликовать свои сведения в газетах, в случае, если Вы не согласитесь на его определенные условия. Что он достоверно знает, а не мошенник, вот его слова: ихуна «Лавиния» и матрос Ай Линь. Надеюсь, это предложение Вы примете и письмо до Вас прибудет в целости как отправлено.
Истинно Ваша, миссис М. Холланд.*

P. S. Чем раньше Вы ответите, тем лучше будет всем.

Так писала миссис Холланд, вернувшись (с пустыми руками, но не обескураженная) из Суэлнеса.

Салли стояла под редкой сенью почти облетевшей липы в Клеркенвилл-гарденз и ждала Джима. Дождь успел промочить насквозь ее плащ и шляпку и уже пробирался за воротник. Чтобы оказаться здесь, Салли пришлось нарушить все распорядки миссис Риз, и теперь она в ужасе предвкушала прием, ожидающий ее по возвращении.

Однако Джим не заставил себя ждать. Вскоре он примчался бегом, промокший до нитки, схватил ее за руку и мигом затащил под козырек сцены, где был клочок сухой травы.

– Сюда, – сказал он, отодвигая незакрепленную доску сцены.

Он шмыгнул в дыру. Салли проследовала за ним – осторожно, чтобы не зацепиться плащом, и вскоре они очутились рядом. Джим зажег огрызок свечи.

Они сели напротив друг друга. Пол был очень пыльный, но сухой, дождь барабанил снаружи, не причиняя им никакого вреда.

– Ну что? Рассказывать или нет?

– Конечно, рассказывай!

Джим немедленно повторил все, что узнал от Аделаиды, но более внятно и четко. Он умел обращаться со словами, «Негодяйка Пенни» многому его научила.

– Ну, что думаешь? – спросил он, закончив.

– Все сходится, Джим! Миссис Холланд – та самая женщина, о которой мне говорил майор Марчбэнкс. Вчера, в Кенте... – И тут настала ее очередь рассказывать.

– Рубин! – произнес он, совершенно потрясенный.

– Да. Хотя я и не понимаю, как это связано со всем остальным. Дело в том, что майор Марчбэнкс никогда не слышал о *семи блаженствах*.

– А этот тип, о котором толковала Аделаида, никогда не говорил о рубине. Может быть, тут не одна, а две тайны. Может быть, между ними даже нет никакой связи.

– Связь есть, – сказала Салли. – Я.

– И миссис Холланд.

Наступила пауза.

– Я должна его увидеть.

– Не выйдет. Пока он в руках у миссис Холланд... О черт! Я забыл: у него еще есть брат-священник, по имени Николас. Они близнецы.

– Преподобный Николас Бедвелл. Не знаю, удастся ли нам его найти. Может, у него получилось бы выгащить своего брата...

– Бедвелл – раб опиума, – сказал Джим. – И еще Аделаида сказала, он боится китайца. Когда он видит китайца во сне или в видениях, он страшно кричит.

Они немного помолчали.

– Хорошо бы найти эту книгу, – сказала Салли.

– Найдешь. Она не потеряна, а украдена. И ты знаешь кем.

– Думаешь, она? Но это был мужчина. Он сел в Чатеме.

– А зачем это, интересно, красть никчемную старую книжку, если не знаешь, что в ней написано, а? Конечно, это ее работа.

Салли растерянно моргнула. Как это ей раньше не пришло в голову? Связь-то очевидна.

– Итак, старуха взяла книгу, – повторила она. – Джим, у меня голова кругом идет! Ради всего святого, зачем ей это нужно?

– А ты соображай побыстрее, – ответил Джим. – Ей нужен рубин, вот зачем. Что там сказано в той бумажке, что он оставил?

Она показала.

– Ага. Понятно. Тут написано: «Возьми его». Он спрятал рубин подальше от нее и хочет тебе объяснить где. В конце концов, знаешь, что я тебе скажу? Если ей нужен рубин, она вернется и за этим листком.

Следующим вечером, обливаясь потом в немилосердно натопленной кухне гостиницы миссис Холланд, собрались три человека. Одним из них была Аделаида, тихо прикорнувшая в углу, но на нее никто не обращал внимания. За столом, перелистывая книгу майора Марчбэнкса, сидела миссис Холланд. Третьим человеком был гость; он устроился в кресле у очага, попеременно прихлебывая чай и теребя свою бородку. На нем был светлый клетчатый костюм, коричневый котелок, задвинутый на самый затылок, и сверкающая булавка в шейном платке.

Утвердив зубы на должном месте, миссис Холланд заговорила:

– Недурно обделано, мистер Хопкинс. Чистая работа.

– Да чего там, – скромно потупился гость. – Это было проще простого. Заснула как сурок. Мне оставалось только взять книжку с ее колен.

– Очень мило. Что думаете насчет новой работенки?

– Хоть сейчас, миссис Хэ. Сделайте одолжение.

– Есть один стряпчий в Хокстоне. Имя – Блит. Он должен был кое-что для меня сделать на прошлой неделе, да только все пошло прахом. Из-за его небрежности. Вот почему мне пришлось переться в Кент и все утрясать.

– Неужели? – произнес мужчина с едва уловимым интересом. – И вам хотелось, чтобы я малость пуганул этого стряпчего, не так ли?

– Что-то вроде этого, мистер Хопкинс.

– Думаю, я сумею справиться, – сказал он, устраиваясь поудобнее и дую на чай. – Любопытная оказалась книга, не так ли?

– Только не для меня, – ответила миссис Холланд. – Я и так знаю эту историю наизусть.
– Неужели? – осторожно удивился гость.
– Вот для юной леди это наверняка было бы интересно. Скажу больше, мистер Хопкинс, если бы она прочла ее, все мои планы полетели бы кувырком.

– Да ну...

– Самое лучшее, если бы с ней произошел какой-нибудь несчастный случай.

Мистер Хопкинс молча заерзал в кресле.

– М-да, – произнес он наконец. – Не думаю, что мне хотелось это услышать, миссис Холланд.

– А я не думаю, что у вас есть выбор, мистер Хопкинс, – ответила она, быстро пролистывая книгу. – Господи боже мой, страницы еле держатся! Я надеюсь, вы ничего не потеряли.

– Не понимаю вас, миссис Хэ. Почему это у меня нет выбора?

Но она уже не слушала. Старые глаза ее сощурились; она прочла последнюю страницу книги, перевернула ее, пролистав оставшиеся, прочитала последнюю запись еще раз, перевернула, потрясла книгу и наконец с проклятиями швырнула ее на стол. Мистер Хопкинс испуганно отодвинулся.

– Что это вы, мэм?

– Ах ты, сукин расфуфыренный попугай! Безмозглая кукла! Ты потерял самую важную страницу во всей этой чертовой книге!

– Вы же сказали, что и так знаете ее наизусть, мэм!

Она швырнула ему книгу:

– Читай здесь, если умеешь. Читай!

Ее жесткие пальцы ткнули в последний абзац. Он начал читать:

Поэтому я изъясил рубин из банка. Это единственный способ, который мне остался, чтобы искупить свой грех и спасти хоть что-нибудь от моей погибшей жизни. Завещание, которое я составил по указаниям этой женщины, аннулировано; ее юрист не предусмотрел, что я смогу выйти из этого контракта. Я умру без завещания. Но я оставляю камень тебе. Я спрятал его и для большей верности опишу его местонахождение шифром. Он в...

На этом запись обрывалась. Он замолчал и посмотрел на хозяйку гостиницы.

– Ну-с, мистер Хопкинс, – сказала она, улыбаясь. – Теперь вам понятно, что вы наделали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.